

Велерий Коновалов

ЛОЖЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валерий Коновалов

ЛОЖЬ

<https://litres.ru/74231328>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кто-то однажды изрёк, что все вокруг врут. И это правда. Мы врём друзьям и родителям, родственникам и случайным знакомым, врём любимым, целуя их по утрам, а потом врём ночью, имитируя всепожирающую страсть. А ещё мы врём самим себе, верим в свою ложь и она постепенно превращается в правду.

Не удаётся нам лишь одно - обмануть судьбу. Она всё равно сделает с нами то, что задумала, не прислушиваясь к благостным увещаниям или зловеющим пророчествам.

Содержание

1	5
2	9
3	34
4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Валерий Коновалов

ЛОЖЬ

Кто-то однажды изрёк, что все вокруг врут.

И это правда.

Мы врём друзьям и родителям, родственникам и случайным знакомым, врём любимым, целуя их по утрам, а потом врём ночью, имитируя всепожирающую страсть.

А ещё мы врём самим себе, верим в свою ложь и она постепенно превращается в правду.

Не удаётся нам лишь одно - обмануть судьбу.

Она всё равно сделает с нами то, что задумала, не прислушиваясь к благостным увещаниям или зловещим пророчествам.

Весна в этом году выдалась ранней, что не радовало лишь заядлых лыжников, которые всю зиму усердно расчерчивали городской парк параллельными линиями, а теперь им приходилось выискивать ещё не растаявшие участки, забираясь всё дальше и дальше от проторённых троп. Группа из трёх человек уже возвращалась обратно, как вдруг палка, идущей позади всех лыжницы, застряла в снегу, да так сильно, что той пришлось остановиться. Девушка с усилием дёрнула палку, и вместе с комками мокрого снега в сторону отлетели смёрзшиеся листья и ветки. То, что было под ними заставило лыжницу отпрянуть назад и истошно закричать. Друзья остановились и оглянулись.

- Что там? В медвежью берлогу нашла? - с ухмылкой крикнул один из них.

- Давай быстрее сюда, а то проснётся и загрызёт тебя, - подключился второй.

Но девушка продолжала кричать и пятиться, пока не упала в подтаявшую снежную жижу. Лыжи слетели, и она, отталкиваясь руками и ногами поползла назад, не в силах отвести взгляд от чернеющей прогалины, из которой торчала палка, раскачиваясь из стороны в сторону.

Друзья перестали смеяться, поняв - что-то не так, сбросили лыжи и подбежав к девушке, схватили её под руки и

подняли.

- Что случилось, Катя? Ты чего-то испугалась?

Та уставившись в одну точку, истерично закивала головой и вытянула руку в сторону прогалины.

- Подержи её, - сказал тот, что был постарше, - я схожу посмотрю.

Медленно переступая, он приблизился ко всё ещё раскачивающейся палке, и остановил её, крепко сжав рукой. Взгляд медленно опустился вниз. Острые палки торчало в глазу человеческой головы, заваленной прошлогодними листьями. Лыжник отшатнулся, упал на колени и тут же вырвал, после чего сгрёб рукой пригоршню чистого снега, вытер лицо и пошатываясь подошёл к своим друзьям.

- Ментов... надо... вызывать, - заикаясь произнёс он, придерживаясь за дерево, - там такое... блин...

Его снова скрутило пополам.

Подъехать машиной к месту преступления было невозможно, поэтому от ближайшей дорожки, где скопились патрульные машины, скорая помощь и труповозка, к месту преступления нужно было идти не менее ста метров. Лыжники, нашедшие тело, сидели на лавочке, укутанные в одеяла и сбивчиво рассказывали о случившемся стоящим возле них полицейским.

- Что скажешь, младший лейтенант Тюрина? - бодро произнёс оперативник, после того как эксперты очистили тело от листьев и веток. - Первое дело в карьере и сразу тако-

ооооо...

- Какое "такоооооо"? - ошетибилась девушка. - Думаете убегу? Не дождётесь.

- Ладно, Маша, не обижайся, - сменил тон капитан. - И всё-таки, что мы имеем?

- Женское тело, - подхватила разговор девушка, приподняв палкой край плаща жертвы, - явных следов изнасилования не видно. Одежда цела. Даже колготки не порваны. И, смотрите, сапоги на шпильках. Вряд ли она просто так гуляла в них по парку. По таким зарослям не особо походишь. Могли, конечно, принести тело и бросить здесь.

- И ногти... Обрати внимание на ногти. Уверен, не было никакого сопротивления. Кольца на месте, даже цепочка на шее осталась. Не удивлюсь, если в сумочке будут лежать кошелёк, документы и мобила.

- Кошелёк есть, товарищ капитан, - подтвердил эксперт, - а вот с телефончиком и паспортом проблемы.

- И лица нет..., - вздохнула Маша.

- Да. Но били явно уже после того как жертва упала, - капитан повернулся к экспертам, - поищите, чем её так изуродовали.

- Да чего искать, Марк Игоревич. Вот этот камень. Экспертизу, конечно, сделаем, но вероятность, что на нём будет кровь другого человека ничтожна.

- Это точно. Хорошо, что морозы были крепкие и снега навалило много, а то бы и исследовать было нечего. А так

как новенькая, - попытался пошутить опер.

- Давно вы стали циником, товарищ капитан? - грустно произнесла Маша.

- Да уж лет десять, наверное.

- С какого дела отсчёт ведёте?

- Не помню, но вам, младший лейтенант Тюрин, явно повезло, вы станете циником гораздо раньше, - бодро ответил Санин, застёгивая замок на чёрном мешке, внутри которого лежала изуродованная незнакомка.

Оперативники пошли следом за носилками

- С чего начнём, Марк Игоревич? - спросила Маша.

- С банального. Нужно личность установить. Ну и посмотрим, что скажут эксперты.

- А как будем устанавливать? Нет же ничего.

- Ну как же "ничего"? Есть человек. И её явно искали. Не может же быть такого, что у неё не было родственников или знакомых, которые бы не обеспокоились исчезновением. Для начала поднимем сводки о пропажах. Займёшься?

- Конечно, - ответила Маша.

Уже несколько часов Лиля Зайцева сидела перед экраном ноутбука, в котором букву «ё» недавно сковырнул любимый кот и, наверное, в тысячный раз перечитывала свой текст, выискивая в нём огрехи и шероховатости. По крайней мере ей так хотелось думать, что именно этим она и занимается, на самом же деле ей просто было страшно отдать написанное на растерзание злобной интернет-публике, которая камня на камне не оставила бы от её творения. Лиля была уверена именно в злобности, поскольку начиталась всякого в комментариях к опусам доморощенных блогерш, рассуждающих обо всём на свете, так что ожидать добрых слов не приходилось, тем более писала Лиля о любви, да ещё о любви запретной, о той любви, которой стыдятся, которую ханжески порицают, но о которой, при этом, мечтают все без исключения.

Хотя, чего было опасаться? Её никто не знал, у неё не было ни «друзей», ни подписчиков, но казалось, что достаточно нажать кнопку «Отправить», и миллионы затаившихся читателей кинутся разбирать по буквам всё то, что Лиля написала. Или не кинутся?... Вот именно это и пугало больше всего... Да и кто она вообще такая, чтобы брать на себя смелость рассуждать о любви? Что знает она о ней? О той любви, от которой сходят с ума, о той любви, которая разбива-

ет сердца, толкает на преступления, которая терзает плоть и выворачивает наизнанку душу. Испытала ли она на себе все её «прелести»? Познала ли наслаждение в его наивысшем проявлении или просто плыла по течению, безропотно отдаваясь тому, кто оказывался рядом? Ощутила ли те волшебные вибрации, сводящие с ума и лишаящие остатков воли. Она была уверена, что знает об этой любви всё. Кто как ни она, прочитавшая от корки до корки сотни книг, написанных о любви, пролившая несметное количество горьких девичьих слёз, сопереживая страданиям главных героинь, обманутых, униженных, но всё равно счастливых, ведь у них была любовь.

В детстве Лиля Зайцева быстрее всех бегала, выше всех прыгала, лучше всех училась, а ещё она пела в хоре, играла на пианино, рисовала, плавала и даже ходила на каратэ. Одним словом, была лучше всех, но несмотря на это считала себя самой несчастной девочкой на Земле, а всё потому что никто её не любил. Намучившись и настрадавшись, Лиля наконец поняла, что некрасивой толстушке невозможно заслужить не то что бы любовь, а даже обычную дружбу. О любви, в её высоком понимании, она тогда почти ничего не знала, ей достаточно было, чтобы хоть кто-то подержал её за ручку, угостил ириской или помог донести портфель до дома, но годы шли, а ничего не менялось, и однажды на смену невинным детским переживаниям пришли страдания внезапно по-

взрослевшей девушки, тело которой в какой-то момент обрело не только формы, но и какое-то странное томление в тех местах, которые подверглись наибольшему изменению.

О том, что происходит с девочками, когда они внезапно становятся женщинами, Лиля тоже ничего не знала и ничего в этом не понимала. Рассказать было некому, прочесть нигде; в газетах, которые выписывал отец, всё больше говорилось о стройках пятилетки и рекордных урожаях, а в маминой «Работнице» можно было найти лишь советы как отчистить содой загоревшуюся плиту или истории о борьбе с расплодившимися тараканами. Спрашивать родителей было стыдно и страшно, ведь всё то, о чём она так хотела спросить, казалось ей чем-то запретным и похабным. Исследованиями себя как это делали все её одноклассницы Лиля не занималась, а лишь теребила в ванной увеличивающуюся со страшной скоростью грудь, чем вызывала ещё большее томление, растекающееся по всему телу. Первое время она даже крепко обматывалась бинтами, чтобы ничего не выпирало из-под школьной формы, и плакала по ночам от боли, но в какой-то момент бинты перестали помогать.

Этот урок физкультуры Лиля запомнила на всю жизнь...

Она дольше всех задержалась в раздевалки, дожидаясь пока галдящие девчонки, облачившись в узенькие синие трусики и обтягивающие белые футболочки, не выбегут в спортзал на построение. Лиля стеснялась переодеваться при всех, боялась насмешек и презрения, ведь она стала не такой как

все. Лучше бы она побежала вместе с ними, тогда может быть никто и не обратил на неё внимания... Как и множество раз до этого.

- Зайцева, чего плетёшься!?! - гаркнул физрук, увидев замешкавшуюся девочку в дверях раздевалки. - Весь класс тебя ждёт.

И Лиля, опустив глаза в пол, побежала вдоль строя на своё место. Она не только видела, но и чувствовала как в такт её шагов подпрыгивают под майкой освобождённые из плена округлости, одновременно с этим она сгорала от устремлённых на неё похотливых мальчишеских взглядов и завистливых девичьих. И вдруг нависшую тишину разорвал сиплый голос того, кто считался непререкаемым авторитетом не только в классе, но и во всей школе.

- Сисяндра жопатая! - крикнул Генчик, и выскочив из строя, со всей силы ударил её ногой по заднице.

Лиля потеряла равновесие, и споткнувшись, плашмя грохнулась на пол, чем вызвала оглушительный смех. Ржали все, тыкали в неё пальцами, пинали ногами, а она, встав на четвереньки ползла вперёд, то и дело падая от очередного удара.

- А ну прекратить, шпана! - наконец среагировал на случившееся физрук. - Быстро все в строй!

Он помог Лиле встать, и увидев разбитые коленки и кровоточащий нос, сказал:

- А ты к медсестре иди... Объяснишь, что упала случайно.

Поняла?

Лиля кивнула, и размазав по лицу кровь, пошла к двери.

- Сисяндра... Сисяндра жопатая..., - пронёсся по залу приглушённый ропот.

- Заткнулись все, и бегом по кругу! А ты, Кравченко, на канат!

- А почему я? - гнусаво заныл Генчик.

- Покажешь силу свою. Чтобы все видели, что Кравченко самый лучший. Давай! Пять подходов, и чтобы до самого потолка, и повернувшись к остальным крикнул. - Все бегут до тех пор пока Кравченко не выполнит упражнение! Ускорились!

- А вы фашист какой-то, Игорь Романович, - пробурчал себе под нос Гена, вцепившись руками в канат.

- А за это ещё плюс два подхода, - невозмутимо ответил физрук. - Будешь ползать, Кравченко, пока руки до кости не сотрёшь. После этого год дробить не сможешь. Пошёл!

Класс заржал ещё громче.

- Сдохнешь, Сисяндра вонючая, - злобно прошипел мальчишка, карабкаясь вверх по канату.

Медсестра не стала ничего спрашивать, а просто обработала ушибы йодом и вставила в нос Лили два ватных тампона, пропитанных перекисью водорода.

- Мне можно идти?

- Да. И в зал можешь не возвращаться, я скажу Игорю Романовичу, - ответила медсестра, не отрывая взгляд от книги,

которую она читала до прихода Лили.

В раздевалке было пусто и тихо, лишь топот ног доносился из-за фанерной перегородки, значит Кравченко всё ещё ползает по канату, и это хорошо, можно быстро переодеться и немного прийти в себя после случившегося. Но это было сиюминутное успокоение, что делать дальше и как жить с этим позором Лилия не представляла. Её ждала война, в которой невозможно было победить, ведь теперь против неё был весь класс. До сегодняшнего дня всё было более менее нормально, просто никто не обращал внимания на толстую некрасивую девочку, всем были до одного места её достижения, разве что учителя иногда оказывали знаки внимания, приглашая то на олимпиады по математике и литературе, то на соревнования по метанию гранаты, где Лилия с неизменным постоянством завоёвывала первые места, чем тешила собственное самолюбие и амбиции преподавателей. От этих мыслей стало совсем грустно и слёзы сами собой покатались по её щекам.

Неожиданно скрипнула дверь, и в раздевалку вбежала запыхавшаяся Таня. Если Гена был богом среди пацанов, то среди девчонок именно она пользовалась непререкаемым авторитетом. Очаровательная блондинка с ангельскими чертами лица и характером дикой пантеры захватила власть в классе с самого первого дня, подчинив своей воле всех: мальчики млели в её присутствии, а девочки, открыв рты, внимали каждому её слову.

- Какой лифчик. Мать ещё ничего не знает.

- Вот ты дура, Зайцева, разве можно было такую красоту прятать. Как тебе удавалось?

- Я бинтами эластичными каждое утро обматывалась.

- Точно - дура. Это же больно.

- Ещё как. Сегодня всю ночь проревела, а утром не смогла их затянуть. Сильно болели. Так и пошла, - Лиля вздохнула.

- За что и получила.

- А знаешь, - задумчиво произнесла Таня, - есть у меня один способ как Кравчено отомстить.

После уроков она постучалась в дверь кабинетика, в котором сидел физрук и долго не выходила оттуда. Лиля стояла рядом и до её слуха долетали лишь обрывки фраз и приглушённый смех.

- Всё, договорилась. Послезавтра на физре будет комедия. Только ты делай то, что я тебе скажу. Опозорим Генчика при всех.

- Хорошо.

Первое, что было обнаружено в тот день в раздевалке - это несколько дыр, просверленных в фанерной стене, за которой было необычайно тихо, слышались лишь возня и сопение. Все девчонки сгруппировались в сторонке, уступив место Лили, которая покрывшись пунцовыми пятнами, демонстративно переодевалась возле своего шкафчика. Когда она сняла школьную форму, оставшись в одних трусиках, за стеной раздался восторженный вздох и началась толкотня, маль-

чишки боролись за право прильнуть к дырке и увидеть то, чего раньше никогда не видели... И вот, на самом пике представления, раздался зычный голос Игоря Романовича:

- Мальчики! Бегом все в зал! Тридцать секунд на построение! Опоздавшие получают неуд в четверти!

За стеной зашумели, затопотали, засуетились...

Когда хохочущие девчонки, прикрывая рты ладошками, вбежали в зал, то увидели очень странный строй, поскольку он выделялся своей необычностью - у всех мальчишек что-то очень сильно оттопыривало трусы. Скрыть это за тридцать секунд было невозможно, а неуд получать было страшно. Так и стояли они по стойке смирно с понурыми головами и гордо торчащими писюнами. Физрук давился от смеха, но делал серьёзное лицо, и совсем потерял контроль над собой, когда спустя какое-то время из раздевалки вышел тот, ради которого всё это шоу и было задумано. Генчик постоял немного в дверях, и демонстративно подтянув трусы, в которых все уже было нормально, чеканя шаг проследовал в конец строя... Оказалось, что неуд для него был меньшим позором.

Лиля проводила его восторженным взглядом, а он даже не повернул голову в её сторону, хотя ещё пару дней назад обещал изничтожить. Что-то странное ощутила она внутри себя, как-то иначе застучало сердце, ком образовался в горле и томление какое-то внутри началось, похожее на волнение, почти как пред серьёзным экзаменом. Ей хотелось смот-

реть на Гену, хотелось вдыхать его запах и очень сильно хотелось прикоснуться к нему. Откуда она могла тогда знать, что именно так даёт о себе знать любовь. С каждым днём это жгучее чувство усиливалось, особенно невыносимы были ночи, когда непонятные мысли роились в голове, не давая уснуть и причиняя почти физическую боль. Лиля ничего не ела, забросила все свои кружки и секции, начала отставать по предметам и даже немного похудела, чем вызвала ещё большую зависть у девчонок, но всё безрезультатно — для Гены она словно не существовала. С каким удовольствием и благоговением восприняла бы она его прежние приставания, стерпела бы все унижения, даже не заплакала, если бы он снова пнул её ногой по заднице.

В конце четверти не выдержала классная руководительница, ведь падение её любимой ученицы, затянулось и все показатели были нарушены: в журнале сплошные тройки, да и то лишь потому, что учителя жалели бывшую круглую отличницу, отказы от запланированных олимпиад и уже третий выговор от директора школы.

- Таня, останься. Ты же всё знаешь. Помоги мне, - взмолилась Раиса Олеговна, дождавшись пока все ученики выйдут из класса. - Что случилось с Зайцевой?

- Влюбилась наша Зайцева, - поправив чёлку, ответила та.

- И кто же этот счастливец? - иронично спросила классная.

- Кравченко.

Раиса Олеговна удивлённо взглянула на Таню.

- Мы тоже в шоке, но у неё планка окончательно упала.

Ничего не хочет слушать.

- А он?

- Ноль внимания. Даже задирать её перестал. Раньше хоть Сисяндрой обзывал.

- Таня, что ты такое говоришь? - классная попыталась включить добродетель.

- А что, Раиса Олеговна? Вы видели какие у неё сиськи? Загляденье! Правда ведь?

- Да, Свиридова, упустила я, что-то в вашем воспитании. Думаете чёрт знает о чём, вместо того, чтобы заниматься. Напридумывали себе любви всякие, страдают они, видите ли. Рано ещё.

- А кто нам про Ромео с Джульеттой рассказывал?

- Так то когда было... И не путай литературу с реальностью.

- А знаете как хочется... путать. Я вот смотрите какая, - Таня повертелась, - а до сих пор одна, пацаны даже подходить ко мне боятся. И зачем мне эта красота. Все всё равно втихаря пялятся на Лилькины сиськи. А ведь в ней ничего нет кроме этих сисек.

- Может быть поговоришь с Кравченко? - сменила тему классная. - Пусть выведет Зайцеву из ступора, объяснит, что ей ничего не светит или ещё что-то... Класс и так скатился на самое дно из-за её неуспеваемости.

- Вы что хотите, чтобы Лилька с крыши сиганула?

- Всё, иди отсюда, Свиридова, - раздражённо произнесла Раиса Олеговна, - никакой от тебя пользы. Мелешь всякие глупости. Лучше я родителей её вызову.

- Ну-ну, - скептически ответила Таня, и вышла из класса.

Запись в дневнике испугала Лилину маму. Она не часто заглядывала в него, вернее совсем не заглядывала. Какой смысл, там и так всё время были одни пятёрки. Да и на дочь она не особо обращала внимания. С утра до ночи работа как и у отца: утром поцеловали ещё спящую, вечером поправили одеяло на уже спящей, вот и вся любовь. Всё делала бабушка: кормила внучку, провожала в школу, встречала, отводила на секции, укладывала спать. И только двадцать дней в году родители проводили вместе с дочерью, валяясь на пляже где-нибудь в Алуште или Гаграх. Знали бы они, что Лиля именно это время ненавидела больше всего. Когда была маленькой, ещё более менее, а как подросла, эти поездки в курортное пекло превратились в настоящую пытку. Раздражало всё: душный курятник, в котором они жили, бесконечные очереди в столовую за кислым борщом, не вкусными котлетами и компотом, который вонял грязной тряпкой. Отцу было хорошо, он после всего этого выпивал несколько стаканов сухого вина, немного плавал в море, а потом укладывался на топчан и мгновенно засыпал, а мама, накрывшись полотенцем, чтобы не обгореть, одним глазом следила за дочкой, которая ковырялось совком в камнях, а другим за мужчиной.

ми, выходящими из моря в мокрых плавках. Но полотенце не спасало, и уже на следующий день её плечи и грудь покрывались волдырями и оставшееся время отпуска мама боролась с ожогами, обильно намазывая себя кефиром и скулила по ночам от боли, отец же загорал до состояния негра, методично подставляя обжигающим лучам все участки тела, где ещё проглядывались кусочки не тронутой солнцем кожи.

Больше всего запомнился Лиле отпуск перед школой. Ей тогда уже стукнуло семь лет и именно с этого времени память начала сохранять не просто какие-то обрывки событий, а всё полностью, в деталях и нюансах. Это был Симеиз. И снова курятник, обжигающее солнце и невыносимо трудная дорога от пляжа до домой. Нужно было всё время идти в гору, не спасала даже окружающая красота и тень от огромных деревьев в парке. После этих проходов не хотелось ни есть, ни гулять, ни ехать на экскурсию, было одно желание — закутаться во влажную простынь и уснуть.

Именно тогда Лиля впервые увидела смерть и узнала, что мама с папой по ночам занимаются чем-то странным и очень секретным, потому что делали это тихо, разговаривали шёпотом, кряхтели, стонали, а потом долго лежали обнявшись и смотрели на луну, папа курил, а мама теребила пальцами волосы на его груди. И это повторялось каждую ночь. Лиля делала вид, что спит, а сама сквозь щёлочки глаз наблюдала за всем происходящим, не понимая зачем они это делают. Хотелось, конечно, спросить, но что-то подсказывало — не

делать этого, и девочка прислушалась к совету, продолжала тайком подглядывать за родителями. Через неделю ей это надоело. Стало скучно.

Большее впечатление на Лилю произвело другое. Ей очень нравилось как красивый мужчина ежедневно нырял с высоченной скалы под названием Дива. Это вызывало восторг не только у неё, но и у всех обитателей пляжа. В один из дней он снова забрался на самую вершины, махнул рукой, оттолкнулся босыми ногами, но вместо того, чтобы через мгновение эффектно вонзиться в воду, а потом вынырнув, красиво поплыть в сторону берега, он в полёте ударился головой о торчащий каменный выступ, после чего полетел вниз как тряпичная кукла...

Милиция приехала часа через полтора, а до этого его изуродованное тело, окружённое бордовым пятном, плавало у подножья скалы, терзаемое волнами. Пляж молниеносно опустел, а оставшиеся не осмеливались подойти, понимая, что ничем человеку уже не помочь и только отец Лили, оправившись от шока, схватил пляжную подстилку, и пробравшись по скользким камням поближе, схватил несчастного ныряльщика за руки, выволок на берег и накрыл.

После этого случая ни о чём другом невозможно было думать. А ещё в ту поездку Лиля осознала, что она не такая как все девочки, ведь именно тогда её впервые обозвали жирной. Да, именно жирной, не пухленькой, не толстенькой, не упитанной, а жирной.

- Женщина, - обратилась к Лилиной маме, сидящая за соседним столиком пышнотелая дама, - перестаньте пичкать девочку хлебом, она и так у вас жирная. Подумайте о её будущем.

- Чья бы корова мычала, - грубо отреагировала мама, пристально оглядев на соседку с головы до ног, - на себя лучше посмотри. Тоже мне, худышка нашлась.

- Именно поэтому я вас и предостерегаю. Меня тоже родители кормили как на убой, говорили, кушай, детка, наедайся впрок, мало ли что, мы вот голодали в войну, так хоть ты будешь сытая. И что? Они умерли, а я осталась одна, жирная и никому не нужная. Живу в их пустой квартире - ни любви, ни счастья. Работа, дом и никакого просвета. Скоро сорок лет стукнет, а у меня до сих пор ни разу ничего не было... , - она незаметно смахнула слезу. - Так что подумайте, мамаша, прежде чем засунуть дочке в рот очередной кусок котлеты. Скажет ли она вам потом спасибо? Думаю, что не скажет. Честно признаюсь вам, я ненавижу своих родителей.

Женщина, не дождавшись ответа, отвернулась и продолжила черпать ложкой свой недоеденный суп. Люди, сидящие неподалёку, притихли и лишь искоса поглядывали на неё. Они явно не ожидали услышать подобный монолог из её уст. С тех пор Лиля перестала есть хлеб, по крайней мере при всех, когда же оставалась наедине со свежей городской булочкой, то с удовольствием съедала её, наслаждаясь тёплым вкусом, который невозможно было ни с чем сравнить.

- Дочь, как ты объяснишь своё поведение? - строго начала мама, придя из школы после разговора с классной руководительницей.

- А что я такого сделал? - равнодушно спросила Лиля, не отрывая взгляд от телевизора.

Валентина Степановна заслонила собой экран.

- Меня в школу вызывали.

- Ну и что? Я туда каждый день хожу, и как видишь, ничего, - съязвила дочь.

- Я видела журнал. У тебя сплошные тройки! Раиса Олеговна в ужасе от того, что с тобой происходит.

- Чем тройка хуже четвёрки?

- Какие четвёрки, Лилия? Ты же шла на золотую медаль. Кто тебе теперь её даст?!

- А нафига она мне нужна? Что я буду с ней потом делать? У тебя вот есть золотая медаль?

- Есть, - с гордостью ответила мама.

- И что? - вскочив с дивана раздражённо крикнула Лилия. - Ты от этого стала счастливее? Больше денег получаешь или тебя отец сильнее любит?

- Не мели чушь! При чём тут это?

- А при том, что эта железка мне не нужна! - она пристально, с нескрываемым чувством брезгливости посмотрела в глаза матери. - Я не хочу быть такой как ты!

Валентина Степановна побледнела, обмякла и отвернувшись, заплакала.

- Я ухожу из школы, - не унималась Лиля, понимая, что тем самым добивает маму. - Не хочу больше туда ходить. Ненавижу.

Мама умоляюще посмотрела на дочь.

- Не бойся, как-нибудь до конца восьмого класса дотяну. И не вздумай меня уговаривать и натравливать отца. Я уже всё решила...

А что ещё оставалось делать? Она готова была хоть сейчас исчезнуть, так ей не хотелось появляться в школе среди расфуфыренных стройных девчонок и враждебно настроенных пацанов, готовых в любую секунду обрушить на неё шквал ненависти. Лилия устала постоянно смотреть в спину Кравченко и выжидать момент, когда он повернётся, чтобы взглянуть ему в глаза и попытаться поймать в них хоть микроскопическую искорку. Но там был только холод и равнодушие, и от этого её сердце разрывалось.

Лилия с детства вела дневники. Почти каждый год она клялась, что больше ничего писать не будет, прятала дневник, стараясь о нём забыть, но раз за разом заводила новый. Потом, перелистывая очередную тетрадь, исписанную убористым почерком, она удивлялась своему умению замечать то, что для других было мимолётным эпизодом, словно промелькнувшим за окном несущегося куда-то поезда.

В основном в дневник она записывала свои сны и свои фантазии, от буйства которых у юной особы порой перехватывало дух. Откуда они могли взяться в девичьей голове, ко-

торая по умолчанию должна была быть забита куклами, новыми нарядами и образами романтических героев из прочитанных книг. Но всякие там Айвенги, Дартаньяны и прочие капитаны шхун с алыми парусами, проплыли мимо, не оставив в её сознании ничего, кроме приторного привкуса лжи.

«Так вот ты какая, любовь...», - написала Лиля в своём дневнике, - «Не люблю я такую любовь. Пусть подавится ей тот, кто её придумал. Как хорошо было без неё. Спокойно... Клянусь, я больше никогда никого не буду любить. Одни несчастья от неё...»

Это была последняя запись, больше Лилия не прикасалась к тетрадке, но не выбросила её, а спрятала зачем-то в глубине стола, поняв всю бессмысленность излияния на пустые страницы своих чувств и переживаний. Она замкнулась в себе и перестала общаться даже с Таней. Читала на уроках и на переменах книжки, не обращая внимание на всё, что происходило вокруг, чем ещё больше раздражала одноклассников и учителей. Даже больше чем тогда, когда была лучшей, лезла во все дыры со своей активностью, занимала только первые места и получала исключительно пятёрки. И время пролетело незаметно... Оставался месяц до её освобождения из плена.

Они вроде бы случайно столкнулись в коридоре.

- Привет, - радостно воскликнула Таня, - оторвись на минутку. Надо поговорить.

- Что-то серьёзное? - с неохотой ответила Лилия, захлопнув

книгу.

- Пойдём за школу, кое что расскажу, - добавила таинственности подруга.

Они дождались пока прозвенит звонок и двор опустеет, погрузившись в блаженную тишину. Таня схватила Лилию за руку и потащила за собой. Два школьных корпуса, стыкуясь, образовали углубление, которое использовалось мальчишками, чтобы тайком от учителей выкурить там сигаретку, позажимать визжащих одноклассниц или набить кому-нибудь морду, а девчонки бегали сюда, чтобы посплетничать, ну и покурить, конечно. В щели между плитами всегда лежала помятая пачка «Стюардессы» и спички.

- Будешь? - спросила Таня, раскуривая сигарету.

- Нет. Мне не нравится.

- Слабачка. Все уже давно курят, одна ты осталась.

- Ты что-то хотела мне рассказать? - нетерпеливо спросила Лилия.

- Даааа..., - выпустив клуб дыма протяжно произнесла Таня. - Но не столько рассказать, сколько похвастаться, - она снова длинно затянулась и дым окутал её лицо. - А я уже...

- Что «уже»? - не поняла Лилия.

- Ну это... В общем, как тебе сказать... Я уже не девочка. Вот...

- Как не девочка?

- Ну ты и дура непонятливая, - рассмеялась Таня, - я трахнулась вчера... Аж два раза... Понимаешь? Поэтому и не де-

вочка уже.

- Ты идиотка? Не рановато ли?

- Самое время... Знаешь как было классно. Не то, что пальцем.

- Ты ещё и драчила?

- А ты как-будто этим не баловалась?

- Нет! Ещё чего, - с отвращением произнесла Лиля, и покраснев, отвернулась. - Это же так мерзко.

- Ну не скажи... Плохие у тебя видимо были учителя.

- У меня их не было. И кто же этот герой?

Таня неторопливо затушила сигарету о стену, достала из кармана ириску, так же медленно развернула её и отправила в рот, прищурившись от приятного кисловатого вкуса.

- Ну! Не тyani!

- Кравченко, - с нескрываемым удовольствием произнесла Таня, не отрывая взгляд от глаз подруги.

Ноги у Лили подкосились, и она вцепилась руками в стену, чтобы не упасть.

- Как ты могла? - едва слышно прошептала она. - Ты же знала, что я... его...

- Что ты его любишь? Конечно же знала. Но ему на тебя насрать, понимаешь. Ты для него никто. Просто жирный кусок мяса...

Таня не успела договорить. Удар пришёлся ей прямо в нос. Кровь моментально хлынула потоком, залив новенькую блузку бурыми пятнами. Обхватив лицо руками девоч-

ка опустилась на колени, и тут же получила ещё один удар ногой в лицо, и без чувств грохнулась в вонючую лужу. Лиля немного постояла рядом, растирая костяшки на правой руке, дождалась пока бывшая подруга шевельнётся, презрительно посмотрела на неё, и развернувшись, пошла домой. Возвращаться в школу не было смысла, да и завтра можно было не приходить, ведь отчисление было гарантировано. Но не это пугало Лилю, а то, что снова придётся смотреть на Кравченко, а смотреть на него она больше не хотела, он стал ей противен.

До выпускных экзаменов Лиля всё же доучилась, вступились учителя и в первую очередь физрук, хотя его голос был почти не слышен в хоре, возглавляемом Раисой Олеговой. Вспомнились награды и победы, были подняты журналы успеваемости за всего годы обучения, в которых в графе «Зайцева Лилия» красовались только пятёрки, а ещё почётные грамоты, благодарственные письма и хвалебные отзывы от организаторов всевозможных олимпиад, конкурсов и соревнований. В итоге, ей даже не пришлось мучиться на экзаменах, тройки по всем предметам поставили заочно, и некогда примерная ученица была выпущена в свободное плавание с аттестатом об окончании восьмилетнего образования. Родители были уверены, что Лиля пойдёт учиться в другую школу или поступит в какой-нибудь техникум, поэтому со спокойной душой, как всегда делали это летом, уехали на море, оставив дочь на попечение бабушки, а когда вернулись,

то застали дочь лежащей на кровати в той же позе, в которой она лежала в день их отъезда.

- Хочешь персиков? - спросила мама, присев рядом. - Они ещё, правда, зеленоватые, но сладкие. Ты такие любишь.

Лиля ничего не ответила, отвернувшись к стене и накрыла голову одеялом.

- И так почти месяц, - сокрушённо вздохнула бабушка, - ничего не ест, никуда не ходит...

- Что значит «никуда не ходит»? - всполошилась Валентина Степановна. - Вы что документы не подали?

- Нет. Я уж и уговаривала её и пугала. Ни в какую. Лежит и молчит, смотрит в одну точку. Как подменили девку. Глянь как схудла.

- Лиля, повернись немедленно! - строго скомандовала мама. - Почему ты не сделал так как мы договорились?

- Мы ни о чём с тобой не договаривались, - буркнула дочь.

- Повернись немедленно!

- Ну и что это изменит?

- Сейчас отца позову, - не зная как реагировать дальше, срывающимся голосом произнесла Валентина Степановна. - Он тебе объяснит.

- Бить будет? - Лиля повернулась, и опустив босые ноги на пол, нащупала под кроватью тапочки, встала, взяла из корзины персик, откусила и сморщившись выплюнула кусок. - Пусть бьёт, мне пофиг.

- Господи, что же с ней случилось..., - глядя вслед вышед-

шей из комнаты дочери грустно сказала Валентина Степановна. - Была же девочка как девочка. А сейчас... Мама, вы только посмотрите на неё.

- Я и говорю — пороблэно.

Так в бесконечной и бесцельной борьбе прошёл год. Ничего не действовало на Лилию: ни уговоры, ни угрозы, ни слащавые увещевания. После каждой новой попытки достучаться до дочери, становилось только хуже, она ещё больше замыкалась внутри себя и отдалялась, а совместное проживание становилось невыносимым, приносящим почти физическую боль всем участникам этой семейной драмы. То что драма вовсе не семейная Валентина Степановна поняла лишь после того как случайно встретилась с бывшей Лилиной классной руководительницей, которая и открыла глаза матери на реальную причину проблемы дочери.

- И это всё из-за любви? - не поверила поначалу мама.

- Я тоже посмеялась, когда мне Таня рассказала об этом. Но оказалось, что всё настолько серьёзно, что нужно было срочно что-то делать. Вмешиваться...

- А почему вы не вмешались? Почему мне ничего не рассказали тогда. Об успеваемости беспокоились? Вам главные показатели? А то, что девочка пропадает..., - Валентина Степановна отвернулась и заплакала.

- У меня таких двадцать пять человек в классе и у каждого свои проблемы, - строго парировала Раиса Олеговна. - Вы дома разве не заметили, что Лиля совсем другой стала? Не

расспросили её?

- Мы на работе с утра до ночи...

- Вот видите, а обвиняете меня.

- И что же нам делать теперь?

- Мне трудно советовать, у меня нет своих детей, - учительница понурила голову, - да и любви такой не было никогда...

Валентина Степановна, услышав это, повернулась, подошла ближе и крепко обняла Раису Олеговну. Они ещё немного поплакали, думая каждая о своём и разошлись, чтобы никогда больше не увидеться. Так закончилось детство Лили Зайцевой, её дружба и её первая, и как она тогда считала, последняя любовь.

...Она снова не нажала на кнопку Enter на клавиатуре, размяла затёкшие пальцы, сжимавшие мышку и оттолкнулась от стола. Кресло покатилося назад, проскрипев пластмассовыми колёсами по исцарапанному паркету и упёрлось спинкой в стену, оставив на ней очередной чёрный след... Через пару минут экран компьютера погас и в его чёрном глянцевом зеркале отразилось её лицо... Две глубокие борозды, тянущиеся от носа, рассекали одутловатые щёки, второй подбородок нависал над изъеденной морщинами шеей, а седые жирные волосы с посеченными концами были стянутые в тугой хвост... Довершали картину полные грусти глаза, которые прятались за толстыми стёклами очков, вышедших из

моды лет тридцать назад.

- Итак, что мы имеем, - задумчиво произнёс капитан Санин, откинувшись на спинку кресла, - женщине было около тридцати лет, явно одинокая и об этом говорит не только отсутствие кольца на безымянном пальце, но и выводы экспертов, которые уверяют, что половых контактов у неё не было по крайней мере несколько месяцев. Не дешёвая одежда и обувь, дорогие украшения - это как подтверждение того, что она имела неплохой доход, позволяющий делать такие покупки. И что это не было ограблением.

- А может всё-таки подарки? - перебила размышления шефа Маша.

- Повторюсь - половых контактов не было давно. Где всё это время был этот щедрый даритель?

- Дарил раньше, а потом видимо поссорились.

- Всё это, милый мой младший лейтенант, предположения и домыслы. Нужны факты. Что-то есть интересное в сводках о пропаже людей?

Маша открыла папку и разложила на столе бумаги.

- Есть пять исчезновений по области, подходящих под наше дело.

- И все пять не раскрыты? - поинтересовался капитан.

- К сожалению.

- Как хорошо мы работаем, - съязвил он, - продолжай.

- Все подходят по возрасту... И это всё. По тем фотографиям, которые есть в делах, невозможно определить схожесть с нашей подопечной. Остаётся одно - опрос.

- И кто этим займётся? - с улыбкой спросил Санин.

- Могу даже не сомневаться, что ходить по квартирам и выслушивать обидные слова от родственников пропавших, придётся мне.

- С Богом, а я пока ещё разок пороюсь в экспертизе, может что-то пропустил.

Нет ничего противнее, чем прийти к людям, которые ждали от тебя помощи, а получили лишь отписку, что ничего, мол, сделать невозможно, скорбим, сочувствуем. Своими вопросами их снова придётся вернуть в то состояние, из которого они с таким трудом выбирались, мучить просьбами посмотреть на фотографию трупа. Это вообще за пределами здравого смысла. Но Маша подготовилась. Чтобы не показывать тело, она попросила экспертов сделать выкладку одежды, обуви и украшений. Картинка тоже была не из приятных, но куда лучше чем тыкать в лицо людей снимками с места преступления.

Первое же посещение полностью оправдало неприятные ожидания. Увидев фотографию, женщина тут же упала в обморок, пришлось её откачивать, вызывать скорую, извиняясь и за себя, и за тех, кто безуспешно занимался розыском пропавшей дочери. Идти по другим адресам было просто глупо, тем более могло случиться, что жертва вообще жила одна.

Размышляя обо всём этом, Маша прошла мимо входа в городской парк, где было совершено убийство. Её взгляд остановился на камере видео наблюдения, которая висела на столбе.

- Скажите, а картинку с этой камеры где можно посмотреть? - спросила она у скучающего охранника.

- А вам зачем?

Маша достало удостоверение.

- Младший лейтенант Тюрина. Я веду расследование убийства женщины, которое было совершено в вашем парке.

- Ааааа... Знаю, - расслабился охранник, и приблизившись, почти шёпотом продолжил, - камера эта так, бутафория. Ничего она не пишет. Вы пройдите внутрь, там слева ресторан, вот их камера просто огонь. Ни раз обращались к ним, чтобы всяких засранцев опознать.

В кафе Машу встретили на удивление дружелюбно.

- С радостью поможем, - сказал приветливый администратор, выслушав просьбу, - только нужна бумага от вас на выемку архива.

- У вас есть архив?

- Конечно. Мало ли что. Вот вам же понадобилась информация.

- А если мне нужны записи за осень-зиму прошлого года? - поинтересовалась Маша.

- Всё есть. И качество самое высокое. У нас камеры не только внутри, но и на улице.

- Я через час вернусь с бумагой.

- Будем ждать. Я пока скажу оператору, чтобы подготовил материалы за тот период. Кого будем искать?

Маша достала из сумки фотографию.

- Нужна женщина в таком плаще и в таких сапогах.

Она вернулась ровно через час, и протянула администратору документ, готовая провести в подвале ресторана не один день, всматриваясь в компьютерные мониторы.

- Вам повезло, - улыбнувшись, произнёс молодой человек, - пойдёте.

Они спустились вниз. За пультом сидел лохматый парень, и довольный собой, раскачивался на кресле.

На экранах, в разных ракурсах, было изображение женщины в том самом плаще.

- Она? - с чувством выполненного долга спросил оператор.

- Надеюсь, - едва сдерживая восторг ответила Маша.

Очередной запрос на добавление в "друзья", которых в течение дня могло быть несколько, Геннадий решил не глядя проигнорировать, и уже было занёс указательный палец, чтобы клацнуть кнопкой мышки, но что-то остановило его, он перевёл взгляд на малюсенькую аватарку в углу экрана, прищелкнул пальцем, и вошёл на страничку просителя. Просто из любопытства, словно оправдывая себя, подумал он. А посмотреть там было на что. Восхитительная молодая женщина, без всякого стеснения, но очень достойно, красиво и эффектно несла себя от одного поста к другому, демонстрируя чарующую страсть. Но в её фотографиях и селфи не было пошлости, присущей большинству подобных аккаунтов, они были настолько тонки и трогательны, что их невозможно было назвать даже эротическими, в них было что-то другое, что задевало иные рецепторы, не те, что отвечают за банальное возбуждение и неконтролируемую похоть.

Геннадий инстинктивно оглянулся, нет ли в комнате жены, словно почувствовав вину перед ней за ещё не совершённую измену. Он быстро нажал кнопку "Принять", и занёс страницу в избранное, зачем-то запихнув ссылку как можно дальше, и закрыл её, от греха подальше, и в ту же секунду за спиной раздался голос жены:

- Зая, есть будешь?

- Иду, Танечка, - торопливо ответил он, захлопнув, на всякой случай, крышку ноутбука.

- Что это у тебя щёки такие красные? - спросила она, мимоходом бросив взгляд на мужа, когда тот уселся за стол.

- Давление немного скакнуло... На погоду, наверное, - соврал Геннадий.

Давненько такого не было, подумал он, ковыряясь ложкой в тарелке с супом. Хотя, нет - такого никогда не было. В кино и в книжках это чувство называют любовью с первого взгляда, но он то не мальчишка, чтобы вот так сразу влюбиться в первую встречную, да ещё и виртуально. Нет, никакая это не любовь, просто симпатичная женщина, оставила приятные впечатление. Надо будет внимательнее посмотреть её страничку, почитать, что пишет, тогда всё станет на свои места. Нужно просто дождаться вечера, когда Таня уйдёт к папе, спокойно со всем разобраться и сбросить с плеч эту неожиданно навалившуюся глыбину.

Время тянулось удивительно медленно. Геннадий то и дело поглядывал на часы, но стрелки ползли словно сонные, раздражая своей неторопливостью.

- Не скучай, - наконец донёсся из коридора голос жены, - еда в холодильнике. Если что - звони. Папа просил посидеть с ним до понедельника, так что у тебя впереди два дня свободы. Много не пей, баб не води и измерь давление.

- Хорошо, Тань, - стараясь быть спокойным, ответил Геннадий, - привет отцу.

Он поцеловал жену в щёку, захлопнул дверь, повернул два раза ключ и оставил его в замке. Это было стопроцентной гарантией того, что Татьяна, неожиданно вернувшись, не сможет войти в квартиру.

Казалось, что компьютер никогда так долго не загружался, но вот все операции завершились и на экране появилась та самая страничка. Геннадий дрожащей рукой полистал несколько фотографий и только после этого взялся за чтение. Самый верхний пост гласил: *"Если хотите узнать обо мне как можно больше, начните читать с самого начала"*.

И он начал...

В отличие от школы, дома Генчик был паинькой. Он мыл руки перед едой, ложился спать вовремя, не капризничал, по утрам и вечерам чистил зубы, да и по всем остальным параметрам был просто идеальным ребёнком. Родители не могли даже предположить, что захлопнув дверь квартиры, он превращался совсем в другого человека - злого, циничного, бескомпромиссного. Но все эти качества распространялись только на сверстников, с учителями же он был подчёркнуто тактичен и предметы их знал на зубок. До них, конечно, доходили слухи о "подвигах" Кравченко, но предъявить было нечего - на уроках он был безукоризнен, а ловить его по коридорам никто не хотел.

В классе, в котором учился Генчик, было два отличника

- он и Лиля Зайцева и желание оставаться самым лучшим заставляло его ненавидеть эту девчонку. Мало того, что она была толстая и некрасивая, так ещё и нарушала его гегемонию в овладении школьными науками. А вот человеком, которого Кравченко даже пальцем не трогал, была Таня Свиридова. Негласного титула самой красивой девочки, она удостоилась с самого первого дня как только переступила порог школы. В ней было всё прекрасно - от огромных бантов, похожих на снежные шары, до сандалий с белыми кружевными носочками. И своё очарование она сохранила до самого выпуска. Не испортили её ни выпавшие молочные зубы, ни вытянувшиеся за лето худенькие ножки, ни периодически вскакивающие на лбу прыщики. Из-за этого одна половина школы её тайком обожала, а другая так же тайно ненавидела, естественно, вторая половина сплошь состояла из девчонок, которым не повезло получить от природы то, что получила Таня.

За всё то время, пока Гена и Таня учились в школе, никто не заметил, чтобы они общались, но стоило кому-то из мальчишек позволить хоть какую-нибудь вольность в её адрес, и тот сразу получал в глаз, от оказавшегося рядом Генчика. И во всей этой истории была разгадка, о которой знали только Свиридова и Кравченко.

С самого рождения они были рядом, даже зачаты были в одну и ту же ночь, когда их будущие родители вместе праздновали новый год в общежитии торгового института. До того

как это случилось, очаровательные близняшки Поля и Оля разбили не один десяток сердец, вертя потерявшими рас-судок парнями как куклами, набитыми поролоном. Девуш-ки как две капли воды были похожи друг на друга - длин-ные светлые волосы, чёлки, скрывающие брови, слегка кур-носые носики, точёные фигурки всегда облачённые в обя-зательные наряды, будь то расклешенные джинсы с яркими фирменными футболками или юбочки, которые лишь слегка прикрывали их трусики. Именно по цвету этих самых труси-ков и можно было определить кто из них Поля, а кто Оля. Но об это знали только те, кому посчастливилось добраться до них, а таких можно было пересчитать по пальцам одной руки.

Делая всё вместе и живя по общему графику, они и влю-бились одновременно. Было бы логичным, стань их избран-никами такие же как и они близнецы, но увы, девичья меч-та осталась мечтой, а реальность была такова, что рядом с Полей и Олей оказались два закадычных друга с параллель-ного потока. Витя и Вова так крепко дружили, что все назы-вали их братьями. Они давно следили за близняшками, а за ними не следил только ленивый, и когда решили подойти и познакомиться, то больше всего боялись услышать "нет", но услышали "да", и карусель чувств закрутилась с неимовер-ной силой.

Всё шло к тому, что ЭТО должно было свершиться не се-годня-завтра. Позади остались периоды ухаживаний, первых

поцелуев, страстных ласк, парни даже были допущены к исследованию цветовых характеристик трусиков близняшек. В итоге Витя утвердился, что любит Олю, а Вова объявил всем, что любит Полю. Хотя, по сути, для них разницы не было никакой, это сёстры могли выбирать, кто кому больше нравится.

И вот наступила та самая новогодняя ночь, на которую у парней и девушек были далеко идущие планы. Как и положено, накрыли стол, дождались поздравления Брежнева, выпили по бокалу шампанского, закусили маминым оливье и замерли в предвкушении дальнейшего развития событий. За стеной, в соседней комнате, уже была приготовлена кровать с чистеньким бельём - Вова постарался, а Витя планировал насладиться Олей прямо здесь, достаточно было откинуть в сторону цветастое покрывало, на котором они сидели - и ложе любви готово.

- Ну всё, надоело, - после нескольких минут напряжённого молчания, произнесла Оля, решительно встала, выпила ещё один бокал шампанского и схватив за руку... Вову, потащила его к двери. - Вы тут тоже не скучайте.

Поля провела сестру недоуменным взглядом, но через мгновение хохоча уселась на колени к Вите и страстно впиалась своими губами в его губы...

Она проснулась раньше, подняла с пола свои розовые трусики, затолкала их поглубже в сумочку, и только после этого расслабленно откинулась на подушку. В соседней комнате

Оля сделала тоже самое, спрятав свои голубенькие трусики в карман пальто.

- Что будем теперь делать? - спросила Оля сестру, когда они вернулись к себе в корпус.

- Не знаю. Ты затеяла этот обмен, тебе и решать. Мне было хорошо с Витей. Он такой милый.

- Я знаю. Мне так нравилось с ним целоваться, но и Вовка хорошенький. Я просто млела под ним.

- Что это тебе вчера в голову взбрело? - спросила Поля, - Было же всё нормально.

- Но ведь так лучше?

- Не буду спорить. Только давай расскажем им, а то стрёмно как-то. И трусами я не хочу с тобой меняться, мне розовые больше нравятся.

Вечером сёстры признались в содеянном, но менять обратно ничего не стали, ведь все были счастливы от случившегося. Окончательно все точки над "i" расставила новость о беременности близняшек. И в положенный срок, правда с разницей в один день, на свет появились малыши - у Поли с Витей родился мальчик, которого назвали Гена, а у Оли с Вовой родилась девочка, и ей дали имя Таня.

Вот и весь секрет - просто брат защищал свою двоюродную сестру, но об этом родстве в школе никто не знал. Девтора так решили на своём тайном собрании за день до того как стать школьниками, поклявшись хранить секрет своего родства до самого конца. Для верности Генчик и Таня закре-

пили сказанное кровью, уколов указательные пальцы иголкой и смешав выступившие капельки. Чуть позже в эту игру были вовлечены и их родители, посчитавшие, что так будет даже интересней, и уже на большом семейном совете решили, что на школьные собрания будут ходить только папы, появившись там мамы, тайна тут же перестала бы быть тайной.

Таня, придерживаясь за стену, с трудом встала, грязной ладонью смешав на лице кровь, текущую из носа и слёзы, льющиеся из глаз. Ей было одновременно больно и обидно, но сильнее всего была злость и желание отомстить. А разве она уже не отомстила? Разве не ударила Лилу в самое болючее место? Сама виновата, что не рассчитала ответную реакцию.

Таня не вернулась в класс, умылась возле уличной колонки, и пошатываясь побрела домой, зная, что родители придут только вечером, и она успеет привести себя в порядок, но то, что отразилось в зеркале повергло её в шок - свёрнутый в сторону опухший нос и синяк, расплзшийся на пол лица. Как жить дальше с такой рожей?!

Почувяв что-то неладное, Генчик, отсидел урок и рванул из школы, прихватив портфель Тани. Она долго не открывала, а когда появилась на пороге, тот смог выдавить из себя лишь хриплый крик:

- Кто?!

Она затащила его внутрь и захлопнула дверь.

- Чего орёшь? Хочешь, чтобы соседи всё узнали?
- Кто это сделал? - едва сдерживаясь повторил вопрос Геня.
- Сисяндра, - всхлипнув ответила Таня.
- Что ты не поделила с этой жирной курицей?
- Тебя, - после небольшой паузы произнесла она.
- Не понял...
- Что ты не понял? Ты что не знаешь, что она втюрилась в тебя? Не заметил этого?

- Ну заметил..., - замялся Генчик. - Ты тут при чём?
- Я ей сказала, что переспала с тобой.

Он с недоумением посмотрел на неё

- Переспала? Со мной? Ты дура?! Зачем?
- Я не хочу, чтобы тебя кто-то другой любил. И уж тем более эта Сисяндра.

- Далась тебе она.
- Да? - снова всхлипнула Таня. - А ты сиськи её видел?
- И что?

- У меня таких никогда не будет!
- Правду отец говорит, что все бабы дуры. Что с этим будем делать? - перевёл он тему, указав на сломанный нос.

- Не знаю. Родители увидят - убьют и меня и её.
- Надо врать. А с Зайцевой я сам разберусь. По тихому.
- Знаю я твоё "по тихому".

- Не бзди. Давай лучше о тебе подумаем. Где могло такое случиться?

- Кроме "упала на лестнице" ничего в голову не лезет, - почесав кончик носа, произнесла Таня.

- Только не в школе. Начнутся разборки. Отец твой всех там на ноги поднимет. Давай так - в подъезде было темно, ты оступилась и упала, носом ударилась о перила. Я сейчас пойду лампочку разобью.

- Хорошо, вроде. А кровь?

- Будет тебе и кровь.

Гена взял на кухне нож и выбежал в подъезд, Таня даже слова не успела сказать, выбрал подходящее место и не задумываясь полоснул себя лезвием по пальцу. Он испачкал кровью перила и накапал на ступеньки, после этого подпрыгнул, и ножом разбил лампочку. Стало темно. Гена пошёл вверх, хватаясь окровавленной рукой за перила, ну и в довершении - несколько капель возле двери. Получилось весьма правдоподобно.

И родители поверили. Отец Тани договорился об операции для дочери с одним из лучших хирургов города, и через полгода её носик был так же очарователен как и раньше. Всё время, пока шло лечение, Таня не ходила в школу, Генчик приносил задания и делал вместе с ней уроки, а потом рассказывал о школьных сплетнях. Самым интересным было отслеживать падение Зайцевой, в одночасье превратившейся из отличницы в заскорузлую двоечницу и прогульщицу.

- Вот это я долбанула Сисяндру, - восторженно произнесла Таня, услышав очередную историю деградации бывшей

подружки. - Мой сломанный нос по сравнению с ней просто баловство.

Она встала из-за стола, на котором были разложены учебники и отодвинула их в сторону.

- Чай будешь? Мама плюшки испекла. С джемом.

- Давай.

Таня направилась на кухню, а Гена поймал себя на том, что пялится на её попку, облачённую в лёгенькие домашние шорты. И это было уже не в первый раз. За прошедший год Таня сильно изменилась, и из просто очаровательной девчонки начала превращаться в настоящую девушку с аппетитными формами, завораживающим покачиванием бёдер и взглядом, таящим в себе какой-то таинственный вопрос. И смотрел Гена уже не глазами того мальчишки, который сидел рядом на горшке в детском садике или бегал за ней голышом по пляжу, пока родители нежились на солнышке. Это был совсем другой взгляд, взгляд взрослого юноши, готового перейти на новый уровень познания непознанного. Хотя, что непознанного было в Таньке, ведь они знали друг о друге всё, вплоть до мелочей, будь то малюсенькая родинка на её попке или шрам на его животе от удалённого в первом классе аппендикита. Оказывается было, и появилось всё это совсем недавно. Хуже всего, что точно такие же взгляды он перехватывал у других, и не только у сверстников, но и у вполне себе взрослых мужчин. Это просто бесило. Не мог Генчик позволить, чтобы кто-то ещё пялился не его Таню.

Поэтому школьные репрессии ужесточились, и к выпускному году дошло до того, что эта забота стала её раздражать.

- Может ты прекратишь? - не сдержалась Таня после очередного избиения глазастого наглеца. - Я так с тобой старой девой останусь.

- Не останешься, - решительно произнёс Гена.

- Ты перестаёшь быть моим надзирателем?

- Нет.

- Тогда как?

Гена схватил её за руку и отвёл за угол, где никого не было. Взяв за талию, усадил на подоконник и крепко сжал её ладошки.

- Я женюсь на тебе.

Танины глаза чуть не вылезли из орбит.

- Дурак, что ли?! - прошептала она, оглядываясь по сторонам.

- Да, дурак. Я понял, что люблю тебя. И всегда любил.

- Но ты же мой брат...

- Да какой я тебе брат... Седьмая вода на киселе.

- Что родителям скажем?

- Мне нравится ход твоих мыслей, - улыбнулся Гена, - уже о реакции родителей думаешь. Скажем, что не можем жить друг без друга. Мы же не можем?

Таня задумалась. А ведь и правда, невозможно было вспомнить ни одного жизненного эпизода, чтобы рядом не было Генчика. Он был всегда и везде. Она привыкла к нему

и не представляла жизни, если он вдруг куда-то исчезнет.

- Я не готова тебе сейчас что-то ответить. Но получается сама накаркала. Кто меня тогда потянул за язык, что я с тобой переспала?

- Никто. Это подсознание, детка.

- Ты такие слова знаешь. Ладно, я поговорю со своим подсознанием. Дома продолжим. Помоги.

- Хорошо, - Гена придержал Таню, чтобы она могла спрыгнуть с подоконника. - Я буду ждать твоего звонка.

Весь вечер она пролежала у себя в комнате, переваривая услышанное. Восприняв в штыки неожиданное признание Генчика, сейчас Таня, поняла, что не так уж всё и плохо. Сколько в истории было примеров, когда женились двоюродные братья и сёстры, все цари и короли сплошные родственники. Пусть будет как будет, решила она. И к их многолетней тайне добавилась ещё одна.

Они успешно окончили школу, и впервые не послушав родителей, подали документы в столичный университет, те немного побурчали, но всё же отпустили на экзамены, а когда дети вернулись с информацией, что поступили, радости не было предела. Но больше всего радовались Таня и Гена, ведь теперь они смогут быть вместе не как брат и сестра, а как влюблённая парочка и не нужно будет оглядываться по сторонам, сдерживаться и искать возможность пообщаться без свидетелей. Правда, слово "пообщаться" теперь несло в себе совершенно иной смысл, чем раньше. Их первый насто-

ящий поцелуй случился совсем недавно, во время тех самых вступительных экзаменов. Ничего не подозревающие родители сняли для юных абитуриентов небольшую квартирку рядом с университетом, чтобы дети не мыкались по общежитиям, не подозревая, что тем самым подталкивают их к той черте, которую те никогда ещё не пересекали.

- И что мы будем теперь делать? - многозначительно произнесла Таня, глядя в окно, где внизу сидели в такси их родители.

- Известно что, - так же многозначительно ответил Генчик.

- А ты умеешь?

- Сама же знаешь. Чего спрашивать?

Таня обвила его шею руками.

- И даже не целовался ни с кем?

- Нет.

- Вот ты лапух, - расхохоталась она, - давай научу.

- А ты прям умеешь, - обиделся Гена.

- Умею. Мы с девками так сосались, что сдохнуть можно было.

Он посмотрел на неё с непониманием.

- Просто учились, дурак. А ты что подумал? - сгладила неловкую ситуацию Таня. - Ну не на помидорах же учиться. Смотрели кино про любовь, а потом повторяли.

- И ты ничего не чувствовала? Возбуждение какое-то...

- Ничего, - соврала она.

Конечно же чувствовала, и ещё какое... После этих «уроков» ночью хотелось выть. Она подумывала даже разорвать эту дурацкую клятву, данную Генчику, и пуститься во все тяжкие как это сделали почти все её подружки. Специально для них Таня придумывала всякие фантастические истории про свои грехопадения, чтобы поддерживать статус порочной красавицы. Обычно это случалось летом на море или зимой во время каникул. Она так красочно и правдоподобно рассказывала о своих вымышленных любовниках, что все верили, и завидовали чёрной завистью, ведь им приходилось довольствоваться тем что есть - пьяненькими одноклассниками или шпаной со двора. У Тани же всегда были изысканные богатенькие ловеласы, обязательно старше её лет на десять-двадцать, опытные и неутомимые, тонко чувствующие её душу. Рассказы всегда подтверждались дорожными подарками, якобы подаренными ей любовниками - здесь были и духи, и украшения, и даже восхитительное импортное нижнее бельё. На сама же деле, всё это Таня тайком таскала из маминой комнаты и потом возвращала на место.

Они целовались до самого рассвета, но так и не решились двинуться дальше, руки просто не подчинялись неистовым импульсам помутнённого сознания, которое хотело всего и сразу. Гена даже не решился раздеть Таню, урывками вдыхал аромат возбуждённого девичьего тела и продолжал ласкать её припухшие губы своими не менее припухшими губами. Впервые в жизни он ощутил этот запах и этот вкус, и они

навсегда сплелись в единое целое не сравнимое ни с чем.

У Тани кружилась голова, ей не хватало воздуха, тело сотрясалося от волн, которые разрывали её изнутри, стараясь выплеснуться наружу. Ничего подобного с ней раньше не происходило, даже во снах, о которых ей было стыдно вспоминать. И это только поцелуй, успела подумать она в момент, когда сознание на мгновение вернуло её в реальность, а что же будет потом... Как хорошо, что любовь выглядит именно так. Тане очень хотелось, чтобы это была любовь.

- Господи, какая же я губошлёпка, - смеялась она, глядя утром в зеркало. - Вот как теперь идти в университет? Засмеют же.

Генчик подошёл и стал рядом так, чтобы и его лицо тоже отразилось в зеркале.

- Пусть все видят, что у нас любовь.

- Это позор какой-то, а не любовь. Ты что не мог вовремя остановиться?

- Не хотел, - ответил он, прижал Таню к себе и попытался снова поцеловать.

- Отстань, - капризно произнесла она, упёршись в его грудь руками. - В морозилке есть курица, тащи сюда, будем лечиться.

Гена провёл рукой по её растрёпанным волосам, снова прижал к себе, и в ту же секунду её тело начало источать тот самый аромат.

- Как я тебя люблю, - прошептала она.

- Я больше, - шёпотом ответил он.

Его пальцы скользнули вниз, подхватили подол платья и проникли под него. Таня подняла вверх руки, и воздушная ткань на мгновение коснулась её лица... А дальше был только полёт...

- Какие же мы дураки..., - почти неслышно произнесла она, натянув одеяло до самого подбородка. - Простынь запачкали... Мама теперь будет ругаться...

- Я так долго этого ждал.

- Что мама будет ругаться?

- Нет. Что простынь запачкали.

Они одновременно рассмеялись.

- Надо бы поспать хоть немного, - зевнув, предложила Таня.

- Неплохо бы.

- Тогда тачи простынь в ванну, я потом постираю и бегом ко мне под одеяло.

Гена стащил окровавленную простынь с кровати, и свернувшись через минуту, застал Таню спящей, она лежала, свернувшись калачиком как в детстве, и тихонечко посапывала. Он аккуратно прилёг на другой половине кровати, чтобы не потревожить любимую, и тоже моментально уснул.

Удивительно, что эта парочка умудрилась на отлично сдать все экзамены, поскольку всё свободное время они посвящали поиску наслаждений, с каким-то остервенением доводя своё неумение до совершенства.

- Ты очень сильно изменилась, - сказала мама, когда по привычке укладывала Таню спать, - совсем взрослая стала. Влюбилась что ли?

- Пока нет, - соврала дочь, чмокнув мать в щёку, - как только это случится, я сразу тебе скажу.

Но Ольга с первого взгляда почувствовала неладное. Всё было не так - другой взгляд, другая походка, другой запах. Она хотела верить, что ошибается, хотела быть обманутой, но внутренний голос убеждал - её невинная девочка перестала быть таковой.

- Ты уже с кем-то спала? - наконец, спросила она. - Я отцу ничего не скажу.

- Ма, прекрати. Ни с кем я не спала, - обижено буркнула Таня, и отвернулась к стене.

- Просто я не хочу, чтобы ты потом пожалела об этом.

- Не пожалею.

- Ну Бог тебе судья.

Таня проплакала до самого утра. Вот так, одним коротким разговором с матерью разрушился розовый замок её счастья, и теперь нужно будет постоянно врать и изворачиваться, придумывать оправдания своей лжи. Трудно себе представить реакцию родителей, если бы они узнали об истинном объекте её вожделения.

- И как нам теперь жить? Как быть с родителями? - грустно спросила Таня.

- Мы же будем далеко от них, встретимся пару раз в год,

на каникулах, и всё - подбодрил её Гена, - что-нибудь придумаем.

- Да уж... Придумаем... Мать уже раскусила меня. Только глянула и сразу поняла, что я трахалась. Я не артистка и не смогу постоянно играть роль паиньки. И одной минуты не смогла вчера продержаться. А что будет дальше? Жить мы где будем? В общеаге? По разным комнатам?

На балкон заглянул отец Тани.

- Пойдёмте, стол уже накрыт. Будем отмечать ваше поступление.

После нескольких тостов, слово взяла Ольга и повернулась к сидящим рядом детям.

- Мы тут посоветовались в расширенном семейном составе и решили, что вы не будете жить в общежитии. Мы продолжим оплачивать квартиру, где вы готовились к экзаменам. Пусть она станет для вас талисманом дальнейшего успеха. Ура!

- Спасибо, мамочка! - не сдержавшись, крикнула Таня, вскочив с места.

За несколько часов до этого, действительно, был семейный совет, на котором Ольга предложила, чтобы Таня и Гена жили вместе, в одной квартире. По её мнению это смогло бы уберечь детей от необдуманных поступков и от контактов с посторонними и потенциально опасными людьми. Она не рассказала о своих ощущениях от встречи с дочерью, что "контакт" вероятно уже состоялся, что Гена не досмотрел,

упустил из виду сестру, а та, почувствовав свободу, успела наделать глупостей. Теперь уж точно, всё будет чинно и благородно. Знала бы Ольга как она ошибалась в своей решимости отстоять невинность дочери.

Игра в кошки мышки продлилась шесть лет. Оказалось, что Таня была не права, говоря, что она плохая актриса, её ложь была настолько правдивой, что у родителей не возникало никаких сомнений, но всему когда-то приходит конец. Концом беззаботного счастья стала беременность, скрыть которую было уже невозможно, а делать аборт Таня категорически отказалась.

Скорая увезла Ольгу и Полину, которые почти одновременно лишились чувств, услышав страшное признание детей, а их мужья, от бессилия и непонимания, что делать дальше, вцепившись друг другу в глотки, долго катались по полу, словно каждый был виноват в случившемся. Ольга умерла первой, на следующий день не выдержало сердце у Полины, а через три месяца рядом с могилами близняшек появилась ещё одна, маленькая, в которой лежал их внучок, умерший во время родов.

- Мы тоже теперь должны стать врагами как наши отцы? - Гена понимал глупость своего вопроса, но он не знал, о чём ещё спросить Таню, только что отошедшую от успокоительного.

- Это самое простое, что можно сделать, - чуть слышно ответила она, - но я не хочу быть твоим врагом.

- Тогда у меня есть к тебе предложение, - он достал из кармана бархатную коробочку, внутри которой лежало кольцо,
- выходи за меня замуж.

- Ты как был дураком, Генчик, так дураком и остался. Нашёл место и время.

- Зато запомнится на всю жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.